

*Альманах сказок
на 1826 год
для сыновей и дочерей
образованных сословий*

КАК СКАЗКА СДЕЛАЛАСЬ АЛЬМАНАХОМ

В одной далекой прекрасной стране, где, по преданию, цветут вечнозеленые сады и никогда не заходит солнце, царствовала с незапамятных времен королева Фантазия, которая царствует там и поныне. На протяжении столетий щедрой рукой одаривала она своих подданных разными благами, получая взамен любовь и почитание от всех, кто ее знал. Но у королевы было слишком большое сердце, чтобы довольствоваться только благодеяниями в своей стране. Вот почему она, во всей королевской красе своей вечной молодости, решила сойти на землю, ибо до нее дошли слухи, что люди там живут в печали, посвящая свои безрадостные дни трудам и заботам. Она принесла им чудесные дары из своего царства, и с тех пор, как прекрасная королева побывала в земной юдоли, люди приободрились — и работа пошла веселее, и печали уже не так одолевали.

Не раз отправляла она на землю и своих детей, которые не уступали по доброте и красоте своей матушке, посылавшей их с наказом дарить счастье людям. Однажды Сказка, старшая дочь королевы, возвратилась с земли. Мать сразу заметила, что Сказка какая-то грустная, ей даже показалось, будто у нее заплаканные глаза.

— Что с тобой, дорогая Сказка? — спросила она. — С тех пор как ты вернулась, ты ходишь грустная, невеселая. Доверься маме, расскажи, что с тобой?

— Ах, матушка! Я бы давно тебе все рассказала, если бы не боялась тебя огорчить. Ведь я знаю, мои печали — это и твои печали.

— Не надо бояться, доченька, — проговорила королева. — Печаль — как тяжелый камень. Одному нести — не справиться, глядишь, придавит, а вдвоем уже легче будет.

— Твоя воля, матушка, — отвечала Сказка. — Коли хочешь, расскажу. Ты знаешь, как я люблю бывать среди людей, с какою радостью я навещаю самых беднейших бедняков, чтобы посидеть вместе с ними перед хужиной и поболтать часок после работы. Они всегда так приветливо встречали меня и провожали с улыбкой, глядя мне вслед, когда я от них уходила. Но в последний раз все было иначе.

— Бедная моя девочка! — вздохнула королева и погладила Сказку по щеке, смахивая скатившуюся слезинку. — Может быть, все не так плохо и тебе все это просто причудилось?

— Нет, я чувствую, что они меня разлюбили, — отвечала ей Сказка. — Куда бы я ни пришла, меня встречают холодными взглядами. Я им теперь не ко двору. И даже дети, к которым я всегда относилась с такой любовью, смеются надо мной и отворачиваются, всем своим видом показывая, что они уже большие и им со мной водиться не пристало.

Королева задумалась. Молча сидела она, подперев голову рукой.

— А как ты думаешь, чем объяснить такую перемену в людях? — спросила королева.

— Понимаешь, люди теперь расставили повсюду умных стражников, которые подвергают строгой проверке все, что попадает на землю из твоего Царства Фантазии. И если появляется кто-то, кто не соответствует их представлениям, они тут же поднимают крик на весь мир, готовые растерзать его на части, или возводят на него напраслину, внушая людям о нем разные

гадости, а те и верят на слово, так что у них не остается ни искорки любви, ни капли доверия. Хорошо моим братьям, Снам, они слетают без забот на землю и, не спрашивая этих умников, легко заходят к спящим людям и навешивают им чудесные видения, радующие сердце и глаз!

— Братья твои, конечно, те еще озорники! — сказала королева. — Но, дорогая моя, у тебя нет никаких причин завидовать их легкости. А стражников тех я знаю хорошо. В том, что люди их расставили повсюду, есть своя правда. Ведь сколько раз бывало, что явится какой-нибудь проходимец и выдаст себя за посланца от меня, а сам-то видел наше царство разве что изда-лека, с какой-нибудь горы.

— Но почему же я должна расплачиваться за это? Я-то ведь твоя настоящая дочь! — расплакалась Сказка. — Если бы ты знала, как они обошлись со мной! Они обозвали меня старой девой и пригрозили, что в следующий раз не пустят!

— Не пустят мою дочь?! — воскликнула королева и вспыхнула от гнева. — Знаю, чьих это рук дело! Так оклеветать нас! Вот ведь злая ведьма!

— Ты имеешь в виду Моду? — переспросила Сказка. — Разве Мода бывает злой? Она всегда казалась такой любезной!

— Знаю я эту лицемерку! — отвечала королева. — Но попытайся еще раз, наперекор ее козням! Кто хочет творить добро, тот не должен отступать!

— Ах, матушка! — воскликнула Сказка. — А если они меня совсем прогонят, навсегда? Или наговорят обо мне такого, что меня уже никто и видеть не захочет? Или вообще затолкают куда-нибудь в темный угол, буду сидеть там, никому не нужная и всеми презираемая.

— Если взрослые, давшие Моду себя задурить, отвергнут тебя, обратись к детям — вот кого я по-настоящему люблю, им посылаю я самые чудные виде-

ния, которые доставляют им твои братья Сны, я и сама к ним не раз спускалась, ласкала и целовала их, а то заводила с ними веселые игры. Они хорошо знают меня, хотя имя мое им и незнакомо, но я частенько замечала, что по ночам они улыбаются, глядя на звезды, сверкающие в моем царстве, а утром с удовольствием смотрят на белых барашков, прогуливающихся по моим небесным просторам, и непременно хлопают в ладоши. И даже когда они уже подрастают, они все равно продолжают любить меня — я помогаю милым девушкам плести яркие венки и подсаживаюсь к бойким юношам, когда эти лихие смельчаки, притихнув, устраиваются где-нибудь на вершине утеса и смотрят, как по моей воле из тумана, что окутывает далекие синие горы, проступают высокие замки и блестящие дворцы, а из пурпурных облаков, окрашенных вечерней зарей, выходят отряды отважных всадников или целые процессии паломников.

— Да, дети, они такие славные! — взволнованно воскликнула Сказка. — Ради них я готова попытать счастья еще раз!

— Хорошо, доченька, — сказала королева. — Отправляйся к ним, но только я хотела бы собрать тебя должным образом в дорогу. Ведь очень важно, чтобы твой наряд понравился малышам, а взрослые не прогнали тебя сразу из дому. Я думаю, что лучше будет нарядиться Альманахом.

— Альманахом? — переспросила Сказка. — Ах, матушка! Да в таком виде мне будет стыдно показаться людям!

Королева подала знак, и служанки внесли чудесное платье Альманаха, сверкавшее яркими красками и прелестными узорами.

Прислужницы заплели красавице Сказке ее длинные волосы, одели на ноги золотые сандалии и облачили в новое платье.

Скромная Сказка стояла, потупив взор. Мать оглядела дочь со всех сторон и, довольная, заключила ее в объятия.

— Ступай, — сказала она дочери. — Благословляю тебя. Но если они начнут издеваться и потешаться над тобой, то возвращайся ко мне. Быть может, следующие поколения, более близкие к природе, вновь откроют тебе свое сердце.

Вот такими словами королева Фантазия проводила свою дочь.

Сказка сошла на землю. С бьющимся сердцем приблизилась она к тому месту, где обитали умные стражники. Она низко склонила головку, запахнула как следует свой чудесный наряд и робкими шагами подошла к самым воротам.

— Стой! — раздался чей-то суровый бас. — Стража, на выход! Явился новый Альманах!

Сказка задрожала, услышав такое объявление. Целая толпа пожилых мужей мрачного вида высыпала ей навстречу. Каждый из них сжимал в руке острокопечное перо, и все эти перья были направлены на Сказку. Тут из толпы отделился один, подошел к Сказке и, не церемонясь, схватил ее за подбородок.

— Не прячьте голову, господин Альманах! — прокричал он. — Смотрите прямо в глаза, иначе как нам понять, что у вас на уме?

Сказка зарделась, подняла голову и устремила взор своих темных глаз на вопрошавшего.

— Да это же Сказка! — закричали стражники и загоготали во все горло. — Просто Сказка! А мы-то думали-гадали, что за чудо такое к нам явилось! И что это за наряд ты на себя нацепила?

— Это матушка меня так нарядила, — честно призналась Сказка.

— Ах так?! — возмутились стражники. — Значит, она решила протащить тебя к нам контрабандой? Не

выйдет! Проваливай, чтобы мы тебя тут больше не видели! — заголосили стражники, угрожающе потрясая остроконечными перьями.

— Но я всего-навсего хотела навестить детей! Неужели вы не пустите меня к ним? — попросилась Сказка.

— У нас и так полно всякого сброда! — был ответ. — Шатаются тут всякие да забивают нашим детям головы разной чушью!

— А пусть расскажет, чем она их на сей раз собирается кормить! — предложил кто-то.

— Ну ладно! — согласились все. — Покажи, что там у тебя припасено, да только поскорее, а то некогда нам с тобой тут разговоры разговаривать.

Сказка вытянула руку и указательным пальцем начертала в воздухе какие-то знаки. Одна за другой возникли чудесные картины: караваны с прекрасными скакунами, всадники в роскошных одеждах, множество шатров, раскинутых посреди песчаной пустыни, парящие в воздухе птицы и корабли, рассекающие бурное море, многолюдные городские площади и улицы, воины, сошедшиеся в битве, и мирные кочевники, — все эти образы разворачивались в живых сценах, сменявших друг друга пестрой чередой.

Сказка с таким усердием вызывала к жизни волшебные видения, что даже не заметила, как стражники один за другим заснули. Она как раз собиралась начертать очередной знак, как к ней подошел какой-то человек приветливого вида и, взяв ее за руку, сказал:

— Милая Сказка, разве ты не видишь, что твои чудесные картинки для них ничего не значат? — проговорил он, показывая на спящих. — Воспользуйся тем, что путь в город свободен! Они никогда и не узнают, что ты здесь, и ты спокойно пойдешь своей дорогой. Я бы хотел отвести тебя к своим детям, в моем доме для тебя найдется тихое укромное местечко. Живи

сколько угодно. Если дети мои будут хорошо справляться с уроками, им будет разрешено приходить к тебе вместе с другими ребятами и слушать рассказы. Договорились?

— Конечно! Я с радостью пойду с тобой к твоим милым детям, и, если у них выдаться свободная минутка от занятий, я уж постараюсь, чтобы они у меня не скучали!

Добрый незнакомец ласково кивнул ей и помог перешагнуть через ноги храпящих стражников. Миновав это препятствие, Сказка с улыбкой обернулась и быстро проскользнула в ворота.

КАРАВАН

Однажды большой караван шел по пустыне. На бескрайней равнине, где, куда ни кинешь взгляд, видишь только один песок да небо, уже из далекого далека можно было услышать бречание колокольцев на верблюдах и звон серебряных бубенчиков на лошадях, а еще увидеть песчаное облако, предвещавшее приближение странников; в минуты же, когда порывом ветра густое облако разносило в стороны, взору открывался слепящий блеск оружия и пестрые одежды.

Таким предстал караван всаднику, который приближался к нему сбоку. Он ехал на прекрасном арабском скакуне, покрытым попоной из тигровой шкуры, в ярко-красной сбруе, украшенной серебряными колокольчиками, на макушке же у красавца-коня развевался прекрасный султан. Всадник выглядел внушительно, и его наряд был под стать великолепию коня: белоснежный тюрбан, богато расшитый золотом, кафтан и шаровары пунцового цвета, на боку — изогнутая сабля с богатой рукоятью. Низко надвинутый на лоб тюрбан, черные глаза, сверкавшие из-под густых бровей,

орлиный нос, длинная борода и усы — все это придавало ему лихой и мрачный вид.

Приблизившись на расстояние шагов пятидесяти от передового отряда, всадник прищпорил коня и вмиг оказался в голове каравана. Видеть одинокого всадника в пустыне было столь непривычно, что стражники, охранявшие путешественников, тут же направили на него копыя, опасаясь нападения.

— Вы что? — воскликнул всадник, не ожидавший такого воинственного приема. — Неужели вы думаете, что кому-то может прийти в голову в одиночку нападать на ваш караван?

Пристыженные стражники опустили свои копыя, начальник же подъехал к незнакомцу поближе и спросил, чего ему надобно.

— Хочу поговорить с хозяином каравана, — отвечал всадник.

— У этого каравана нет хозяина, — объяснил начальник стражи. — Мы сопровождаем купцов, которые просто возвращаются из Мекки домой, и охраняем их от всякого сброда, ибо здесь, в пустыне, неспокойно.

— Ну, тогда отведи меня к купцам, — потребовал незнакомец.

— Сейчас никак не могу, — ответил начальник стражи. — Нам нужно двигаться дальше, а купцы отстали от нас по меньшей мере на четверть часа пути. Но если вы присоединитесь к нашему отряду, мы вместе доберемся до места дневного привала и там дождемся купцов. Тогда я и смогу исполнить вашу просьбу.

Незнакомец ничего на это не ответил. Он достал длинную трубку, которая была приторочена у него к седлу, и принялся курить, глубоко затягиваясь. Молча ехал он бок о бок с начальником стражи, который не знал, как ему себя держать с этим всадником, — он даже не решался спросить, как того зовут. И как ни

старался начальник стражи хоть как-то завязать разговор с незнакомцем, пуская в ход ничего не значащие фразы вроде: «Отменный у вас табак, однако» или «Какой прекрасный ход у вашего скакуна!» — все его попытки ничем не увенчались, потому что незнакомец на все отвечал односложным «Да-да».

Наконец они добрались до места, где было наметено сделать дневной привал. Начальник стражи расставил своих людей на посты, а сам вместе с незнакомцем стал поджидать прибытия каравана. Вскоре показались тридцать верблюдов, груженных тяжелой поклажей, в сопровождении вооруженных погонщиков. За ними на прекрасных конях следовали пять купцов, которым принадлежал караван. Почти все они были людьми преклонного возраста и вид имели суровый и степенный, только один из них был значительно моложе других и выглядел веселым и оживленным. Множество верблюдов и вьючных лошадей замыкали шествие.

Разбили шатры, верблюдов и лошадей поставили в круг. Самый большой шатер, из голубого шелка, помещался в центре лагеря. Вот туда-то начальник стражи и повел незнакомца. Откинув полог шатра, они увидели пятерых купцов, которые расположились на расшитых золотом подушках. Чернокожие рабы прислуживали им, подавая кушанья и напитки.

— Кого это ты к нам привел? — спросил молодой купец, обращаясь к начальнику стражи.

Начальник не успел и слова вымолвить, как незнакомец заговорил первым:

— Меня зовут Селим Барух. Сам я из Багдада, направлялся в Мекку, но по дороге на меня напали разбойники и взяли в плен. Три дня назад мне удалось сбежать от них. По милости Пророка я услышал издалека звон колокольчиков вашего каравана и пошел вам навстречу. Позвольте мне присоединиться к вам!

Не бойтесь, что окажете помощь недостойному! Когда мы доберемся до Багдада, я сторицей отблагодарю вас за вашу доброту. Поверьте, я не поскуплюсь, ведь я — племянник великого визиря.

Старший из купцов взял слово:

— Ну что ж, добро пожаловать к нам, Селим Барух! Мы рады будем помочь тебе, но прежде тебе нужно подкрепиться — отведай наших угощений.

Селим подсел к купцам и присоединился к их трапезе. Когда все наелись и напились, рабы убрали посуду, затем принесли длинные трубки и турецкий шербет. Долго сидели купцы в молчании, выпуская синеватые клубы дыма и наблюдая за тем, как они расползаются, перетекают друг в друга, чтобы потом раствориться в воздухе. Наконец молодой купец прервал молчание:

— Мы уже три дня вот так сидим, — проговорил он. — То на коне сидишь, то на подушках за обедом, и никаких развлечений. От такой скуки можно умереть. Дома я привык после трапезы наслаждаться танцами или музыкой, а тут — одна тоска. Неужели, друзья мои, никто не знает, как нам развеять скуку?

Старики-купцы продолжали с серьезным видом курить, явно обдумывая сказанное, и только незнакомец сразу отозвался на слова молодого купца:

— Позвольте мне сделать предложение, — проговорил он. — Почему бы каждому из нас не рассказывать на привале какую-нибудь историю? Так нам будет веселее коротать время.

— Верно говоришь, Селим Барух, — сказал Ахмет, самый старший из купцов. — Предложение твое принимаем.

— Я рад, если мое предложение пришлось вам по вкусу, — ответил Селим. — А чтобы вы сами убедились, что в нем есть толк, я готов первым потешить вас одной историей.

Довольные купцы сдвинулись теснее, усадив незнакомца посередине. Рабы снова наполнили чаши, набили трубки свежим табаком и принесли горячих углей для жаровни. Селим прочистил горло добрым глотком шербета, вытер уста, огладил длинную бороду и проговорил:

— Послушайте историю о халифе-аисте.

ИСТОРИЯ О ХАЛИФЕ-АИСТЕ

Однажды чудесным днем, в послеобеденную пору, халиф багдадский Хасид сидел покойно на диване, очнувшись от сна. От жары его немного разморило, и он прилег вздремнуть, теперь же, отдохнув, он выглядел бодрым и веселым. Он потягивал длинную трубку из розового дерева и время от времени прихлебывал кофе, который подливал ему раб. После каждого глотка халиф, довольный вкусным напитком, благодушно оглаживал свою длинную бороду. Словом, по всему было видно, что он пребывает в превосходном состоянии духа. В такое время к нему можно было подступить с любыми разговорами, тем более что он и сам, настроенный после отдыха миролюбиво, бывал расположен к беседам. Вот почему великий визирь Мансор являлся к нему каждый день именно в этот час. Так случилось и сегодня, но только выглядел визирь, против обыкновения, каким-то озабоченным.

— Почему у тебя такое озабоченное лицо, великий визирь? — спросил халиф, отрываясь от трубки.

Великий визирь скрестил руки на груди и поклонился.

— Я не знаю, какое у меня лицо, мой господин, — отвечал он. — Зато я знаю, что у ворот стоит бродячий торговец, у которого множество прекрасных вещей! Да только мне они не по карману, оттого я и огорчился.

Халиф уже давно хотел чем-нибудь порадовать своего визиря и потому послал черного раба за тем торговцем, велел привести его к себе в покои. Вскоре раб воротился вместе с торговцем, который оказался смуглолицым низкорослым толстяком в изрядно потрепанной одежде. При нем был ларь с разными товарами: тут были бусы и кольца, богато украшенные пистолеты, бокалы и гребни. Халиф с визирем все пересмотрели, после чего халиф купил им обоим по пистолету, а для жены визиря выбрал гребень. Торговец собрался уже было закрывать свой ларь, но тут халиф заметил внутри какой-то ящичек и спросил, нет ли там еще чего интересного. Торговец выдвинул ящик и показал лежавшую в нем коробочку с темным порошком и лист бумаги, испещренный неведомыми письменами, которые ни халиф, ни визирь разобрать не смогли.

— Эти предметы достались мне от одного купца, который нашел их однажды в Мекке, прямо на дороге, — сказал торговец. — Что это такое, я и сам не знаю, но готов уступить их вам за малую цену, мне они все равно ни к чему.

Халиф, которому правилось пополнять свою библиотеку древними рукописями, хотя он и не мог ни одну из них прочесть, купил манускрипт вместе с коробочкой и отпустил торговца. Мысль о покупке, однако, не оставляла его в покое, уж больно ему хотелось знать, что там написано в этой рукописи, и потому он спросил визиря, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы расшифровать загадочный текст.

— Милостивый господин мой и повелитель, — отвечал визирь, — возле большой мечети живет один ученый муж, зовут его Селим, он знает все языки на свете. Вели позвать его, быть может, ему знакомы эти таинственные письмена.

Вскоре привели Селима.

— Селим, — обратился к нему халиф. — Говорят, ты человек весьма ученый. Взгляни-ка одним глазком на эту рукопись, не сумеешь ли ее прочесть? Коли сумеешь, получишь от меня в подарок новое платье, а коли нет, то получишь дюжину оплеух и двадцать пять ударов по пяткам за то, что напрасно зовешься Селимом, мужем ученым.

— Да будет воля твоя, мой господин, — сказал Селим с глубоким поклоном.

Долго разглядывал он рукопись, пока наконец его не осенило.

— Да это же латынь! — воскликнул он. — Голову даю на отсечение, мой господин!

— Тогда скажи, что там написано, если это латынь, — приказал халиф.

— «Нашедший сие возблагодари Аллаха за милость Его, — начал переводить Селим. — Кто понюхает порошок и скажет при том „мутабор“, тот может превратиться в любого зверя и будет понимать к тому же звериный язык. Когда же настанет время вернуть себе человеческое обличье, то надлежит трижды поклониться на восток и снова сказать заветное слово. Помни об одном: превратившись в зверя, воздержись от смеха, иначе волшебное слово сотрется из памяти твоей и человеком тебе уже больше не стать».

Когда Селим, муж ученый, закончил чтение, на лице халифа разлилось безмерное удовольствие. Он взял с Селима клятвенное обещание хранить все в тайне, одарил его новым платьем и отпустил восвояси. Оставшись наедине с визирем, он сказал:

— Ловко мы с тобой распорядились, Мансор! Какая удачная покупка! Мне уже не терпится превратиться в какого-нибудь зверя. Завтра с утра пораньше придешь ко мне, и мы отправимся с тобой в поле, нюхнем порошок и подслушаем, о чем болтают в поднебесье, на воде и на земле!

На другое утро, не успев позавтракать и нарядиться, как к нему уже явился великий визирь, с тем чтобы, как было велено, сопровождать халифа на прогулке. Халиф засунул коробочку с порошком за кушак и, приказав свите оставаться дома, отправился с великим визирем в путь. Сперва они прошли по обширным садам халифа, тщетно пытаясь найти хоть какую-нибудь живность, чтобы наконец испробовать волшебное средство и подслушать звериный разговор. Тогда визирь предложил пройти еще дальше, к пруду, где ему не раз доводилось видеть разных животных, например многочисленных аистов, которые неизменно обращали на себя его внимание своими плавными движениями и забавной трескотней.

Халиф одобрил это предложение визиря, и они направились к пруду.

Придя туда, они увидели аиста, который вышагивал с важным видом в поисках лягушек и при этом тихонько пощелкивал клювом. Еще одного аиста они заметили в небе: он явно летел сюда же.

— Клянусь бородой, мой господин, эти два длинноногих красавца сейчас встретятся и наверняка заведут какой-нибудь интересный разговор! — воскликнул визирь. — Как вы смотрите на то, чтобы превратиться в аистов?

— Прекрасная мысль! — согласился халиф. — Но прежде не худо бы еще раз вспомнить, как нам потом снова сделаться людьми. Как там было сказано? Три раза поклониться на восток и произнести «мутабор», тогда я опять стану халифом, а ты визирем. И главное — ни в коем случае не смеяться, иначе мы пропали!

Пока халиф так рассуждал, второй аист уже успел приблизиться и начал медленно опускаться. Халиф поспешил достать из-за кушака коробочку, взял порядочную щепотку порошка, часть заложил себе в нос, остаток отдал визирю, после чего они дружно крикнули:

— Мутабор!

В то же мгновение ноги у них вытянулись, стали тонкими и красными, прекрасные желтые туфли халифа, как и туфли его спутника, превратились в бесформенные лапы, вместо рук теперь у обоих были крылья, шеи тоже изрядно удлинились, на локоть, не меньше, бороды исчезли, а туловища покрылись мягким пухом и перьями.

— Красивый у вас клюв, однако, господин великий визирь, — произнес халиф, оправившись от удивления. — Клянусь бородой Пророка, никогда ничего подобного не видывал!

— Благодарю покорно, — ответил визирь с поклоном. — Не сочтите за дерзость, но мне кажется, что вы, ваше величество, в облике аиста выглядите еще краше, чем в жизни. Но не пора ли нам, однако, если вы не возражаете, послушать, о чем там беседуют наши товарищи, и проверить, действительно ли мы понимаем их птичий язык.

Тем временем второй аист уже успел приземлиться. Он почистил клювом себе лапы, сложил как следует крылья и направился к первому аисту. Оба новоявленных аиста поспешили устроиться неподалеку и, к своему изумлению, услышали следующий разговор:

— Доброе утро, госпожа Длинноножка! Такая рань, а вы уже вся в трудах?

— Доброе утро, дорогая моя Трескунья! Какие там труды, так, легкий завтрак. Не желаете угоститься? Могу предложить четвертушку ящерицы или лягушачье бедрышко.

— Премного благодарна, но у меня сегодня что-то нет аппетита. Да и прилетела я сюда совсем по другому делу. У папеньки нынче гости, и я должна перед ними выступать с танцами, вот я и решила тут немного поупражняться без помех.

С этими словами юная танцовщица пошагала в сторону поля, выписывая при этом причудливые па. Халиф с визирем смотрели ей вслед, раскрыв клювы, и не могли надивиться. Когда же она, поджав одну ногу, замерла в художественной позе и принялась грациозно помахивать крыльями, они не выдержали и прыснули от смеха, они все хохотали и хохотали и долго еще не могли остановиться. Первым пришел в себя халиф.

— Вот потеха так потеха! — сказал он. — Такое ни за какие деньги не купишь! Жаль только, что мы их вспугнули своим смехом, а то бы они еще и петь принялись!

И тут великий визирь сообразил, что смеяться-то во время превращения никак нельзя. Он поделился своими опасениями с халифом.

— Проклятье! Мекка и Медина! Что же мне теперь всю жизнь в аистах ходить?! Нет, такая потеха не по мне. Ну-ка вспоминай скорей это дурацкое слово, а то оно у меня никак на язык не идет.

— Нужно три раза поклониться на восток и при этом сказать: Му... му... му...

Они встали, поворотившись к востоку, и принялись усердно бить поклоны, чуть ли не тычась клювами в землю, но... О ужас! Волшебное слово совершенно стерлось из памяти, и как ни кланялся халиф, как ни мычал визирь, стараясь выдавить из себя заклинание, ничего у них не получалось — бедный Хасид с визирем как были аистами, так и остались.

Опечаленные, побрели они по полям и лугам, не зная, как помочь своему горю. Избавиться от постылого обличья они не могли, в город им тоже путь был заказан, ведь даже если бы они объявились, то кто поверит какому-то аисту, будто он — халиф, а если бы и поверили, то еще неизвестно, согласились бы жители Багдада видеть своим халифом аиста или нет.

Так бродили они много дней, питаясь кое-как — то колосками, то корешками, что попадались на полях, только пища эта была им не в прок, потому что прожевать своими длинными клювами они ничего толком не могли. Ящериц и лягушек они все-таки остерегались пробовать, боясь такими яствами испортить себе желудок. Единственной радостью в их горестном положении было то, что они могли летать, и потому они частенько наведывались в Багдад, чтобы посмотреть с какой-нибудь крыши, что там происходит.

В первое время на улицах города было заметно большое смятение и на лицах жителей читалась печаль, но приблизительно на четвертый день после рокового превращения, когда халиф с визирем как раз устроились на крыше дворца, они увидели пышную процессию. Гремели барабаны и трубы, какой-то человек в ярко-красном халате, расшитом золотом, восседал на разукрашенном коне в окружении блестящей свиты. Пол-Багдада сбежалось посмотреть на это зрелище, и все кричали: «Да здравствует Мицра, повелитель Багдада!»

Аисты, наблюдавшие сверху за происходящим, переглянулись.

— Догадываешься теперь, по чьей милости я оказался заколдованным? — спросил халиф. — Этот Мицра — сын моего заклятого врага, чародея Кашнура, который однажды рассердился на меня и поклялся отомстить. Но я не теряю надежды. Мы отправимся с тобой, мой верный товарищ по несчастью, к могиле пророка, быть может, там, у этой святыни, рассеются злые чары.

Они взлетели с крыши дворца и взяли курс на Медину.

Лететь, однако, было довольно трудно, им явно не хватало еще должной споровки.

— Мой повелитель, — прохрипел, задыхаясь, великий визирь через несколько часов. — Простите, но

я больше не могу, вы слишком быстро летите! К тому же уже вечер, не будет ли благоразумнее подыскать себе подходящий ночлег?

Хасид внял просьбе своего слуги и, заметив внизу в долине какие-то развалины, которые вполне могли послужить хорошим пристанищем, предложил там и остановиться. На том месте, где они решили расположиться на ночь, судя по всему, некогда стоял замок. Прекрасные колонны возвышались среди руин, и только несколько залов, как будто не тронутых временем, свидетельствовали о былом великолепии здания. Хасид и его спутник долго блуждали по коридорам в поисках сухого местечка. Вдруг аист Мансор остановился.

— Мой повелитель, — прошептал он еле слышно. — Великому визирю, конечно, не пристало бояться привидений, и уж тем более нелепо бояться привидений аисту, но скажу честно: мне как-то не по себе! Тут рядом явно кто-то вздыхает и стонет.

Халиф остановился и услышал какой-то стон, более походивший на человеческий, чем на звериный. Еще не зная, что его ждет, халиф уже собрался было пойти на звук, но визирь ухватил его клювом за крыло и принялся умолять своего господина не ввергать себя в новую неведомую опасность. Но напрасно! Халиф, у которого и под оперением аиста билось храброе сердце, вырвался, не обратив даже внимания на то, что лишился нескольких перышек, и поспешил в темную галерею. Вскоре он добрался до какой-то двери, которая, судя по всему, была только притворена. Оттуда доносилось тихое всхлипывание. Он ткнул клювом дверь и застыл от изумления на пороге. Посреди полуразрушенного зала, освещенного слабым светом, падавшим из зарешеченного окошка, он увидел большую сову, сидевшую на полу. Крупные слезы горошинами катились из ее огромных круглых глаз, а из кривого

клюва вырывались хриплые стенания. Увидев халифа и его визиря, который тем временем присоединился к своему хозяину и с осторожностью вступил в покои, сова громко вскрикнула от радости. Изящно взмахнув коричневым крапчатым крылом, она быстро утерла слезы и, к несказанному удивлению обоих, заговорила по-человечьи, на чистейшем арабском языке:

— Добро пожаловать, милые аисты! Вы — добрые вестники моего избавления, ибо предсказано было мне, что от аистов будет мне великое счастье!

Когда халиф оправился от удивления, он поклонился, согнув свою длинную шею, и, приняв грациозную позу, сказал:

— Любезная сова! Судя по твоим словам, тебя постигло то же несчастье, что и нас. Но твои надежды на то, что мы принесем тебе избавление, увы, напрасны. Ты и сама поймешь, что мы не в силах тебе помочь, когда услышишь нашу печальную историю.

Сова попросила рассказать, что с ними случилось, и халиф тотчас же исполнил ее просьбу.

Когда халиф закончил свой рассказ, сова поблагодарила его и сказала:

— Выслушай же и мою историю, тогда ты узнаешь, что и я столь же несчастлива, как и ты. Мой отец — король Индии, я — его единственная дочь, и зовут меня Луза. Тот самый чародей Кашнур, который вас заколдовал, обрек и меня на страдания. Однажды он явился к моему отцу, желая сосватать меня в жены своему сыну Мицре. Отец же, человек вспыльчивый и горячий, недолго думая, велел спустить его с лестницы. Но негодяй сумел чуть позже подобраться ко мне, приняв иное обличье. Когда я как-то раз гуляла у себя в саду и захотела утолить жажду, он, переодевшись в раба, поднес мне напиток, выпив который я тут же превратилась в эту мерзкую птицу. От ужаса я потеряла сознание, и он перенес меня сюда. «Оставайся тут, гад-